

ЛЮБА И ЕЕ СТИХИ

Приятно встретить интересного человека. А что Любовь Яковлевна Захарова — интересный человек, впервые я подумал, познакомившись случайно с ее стихами.

Вдвойне приятно, что личная встреча с ней не разочаровала. Я застал всю семью в сборе. В гости зашла Наташа с мужем, Денис «колдовал» над тортом, Саша, устав от беготни, пытался делать уроки. Черная Ксения равнодушно потерлась об ноги, а спаниель Филька, признав гостя за своего, раскинулся в прихожей в сладкой полудреме...

Сама хозяйка оказалась хлебосольной и красивой молодой женщиной, которую мне показалось естественным называть Любой, а не официально Любовью Яковлевной, на что и было дано согласие...

Люба, посмотревшись по телевизору и начитавшись в газетах о городе энергетиков Припяти, приехала в него в 1978 году из-под Тюмени, из геологоразведочной экспедиции. Попробовала на ЧАЭС одну другую работу, пока не стала контролером сварочных работ.

В день аварии пыталась пройти через КП, минут сорок простояла и вернулась домой, так и не узнав всего, что случилось на станции.

Это уже после пошли волдыри во рту, это ожоги у двухлетнего Саша. Из клиники в Таганроге увезли в Ростов-на-Дону, подлечили, и она вернулась на вахту уже в июле, чтобы снова время от времени попадать на больничную койку.

Восстанавливала вместе со всеми третий блок, убирала всю грязь, скопившуюся после аварии. В 1987-м перешла в химцех лаборантом по испытанию масел и там осталась по настоящее время.

Люба знала многих из тех пожарных, которых уже нет. Знала их не как героев, ликвидировавших последствия аварии, а просто как това-

рищей по работе, обычных парней, которые делали свое дело на своем месте...

Она сегодня не может заставить себя идти на митинг памяти, проходящий в ночь на 26 апреля. Вся боль, вся горечь остается в душе, не выносится на люди, и только соседка, тоже пятичанка, разделит с ней в эту ночь память о пержитом, когда они поднимут рюмки и коротко всплакнут...

И еще нет-нет, да зацепит сердце, когда каждодневная электричка проносит ее мимо покинутого Зимовища, где осталась их дачная хатка, распахнутый гараж с уже прогнута крышей, в белой весенней кипени запущенных деревьев...

Люба по натуре своей оптимист, сильная личность. Можно только позавидовать ее мужеству, когда она счастье свое видит в том, что встаешь и ложишься сам, никто под руки не поддерживает; когда она уже три года практически сама поднимает трех детей, когда она может заработать те деньги, которые дадут ей возможность содержать их не хуже других...

И дети платят матери своей непоказной любовью. Это и свежая, яркая скатерть на столе, застеленная детьми к приезду ее с работы, это и приготовленный Денисом торт в день рождения мамы, это и принесенные Сашей из леса ветки весенней вербы.

... Торговка возле универсама, увидев пятнадцатилетнего Дениса с матерью под руку, окликнула:

— Молодой человек, купите девушке цветы!...

Люба задорно хохочет, рассказывая мне об этом: «Ну и как?»

И я с чистой совестью могу только одно сказать:

— Здорово! Молодец, Любаша!

Борис ИВАЩЕНКО.

На снимке: ликвидатор Любовь Захарова и старший сын Денис.

Одинокий город

Боль в себе затаив, все мы шли
из домов,
Покидая в них то, что нам свято
и дорого...
Молча шли, в неизвестность... и не было
слов,
Трудно было прощаться с пустеющим
городом.
Грустным взглядом он нас в час беды
проводил,
С грустью вслед нам глядели поля
и овраги.
Белокаменный город в молчаньи застыл,
Лишь по улицам ветер гнал клочья
бумаги.

Не подскажет никто, никакие прогнозы,
На какой долгий срок мы теперь
разлучились...
А по окнам домов, будто города слезы,
Дождевые тяжелые капли катились.
На печальном ветру сиротливо стоит...
Ни шагов, ни звонков — все безлюдно
вокруг.

Знаем мы: без людей этот город грустит,
Как грустит, расставаясь, испытанный
друг.

Ждем, когда понемногу отступит беда,
Оживет светлый город, появятся птицы,
Мы вернемся опять в свои гнезда-дома,
И пусть Препятствия нас не дано
возвратиться.

Назовем поименно все улицы наши —
Будет Правика сквер
и проспект Кибенка...
Только кажется нам, что горька наша
чаша.

Город сердца, тебя не вернуть никогда.
Даже снится порой — у твоих мы дверей.
И не знает никто, как сейчас ты нам
дорог...

Ждешь своих сыновей, ждешь своих
дочерей,
Верный нам до конца, замечательный
город.
Май, 1986.

Копачи

Скользнул автобус через «рыжий» лес
И вот уже вдоль сельских улиц мчит.
...Раскинулась в подножии ЧАЭС
Деревня под названием Копачи.
Не возвратились аисты назад,
Не прилетели по весне грачи.
Скорбящие глаза домов глядят
В деревне под названием Копачи.
Здесь веселился раньше стар и млад.
Пекли старухи в праздник калачи...
Печные трубы больше не дымят
В безжизненной деревне Копачи.
Сстутилились коробочки домов,
Калитка на одной петле стучит,
Распахнут хлев — он ждет своих коров,
Что шли на луг деревней Копачи.
Некопаны, заждались огороды,
Покрылся мхом колодец у ворот.
Дрожит, съедая наши бутерброды,
Облезший, истощенный рыжий кот.
Протяжно плачет дверь на ржавых петлях,
Замок поломан, брошены ключи,
Плоды чернеют на обвисших ветвях
У яблонь вдоль деревни Копачи.
Здесь вся земля вокруг поражена.
На поле трактор брошенный молчит.
Щемяще давит сердце тишина,
Безмолвие деревни Копачи.
Пуста ошибки нашей полоса...
И только лишь коты кричат в ночи...
Невольно хочется закрыть глаза,
Когда в автобусах минуем Копачи.
Покинутые села, будто раны.
Сквозь них мы проезжаем каждый день.
...В пустых дворах опять цветут тюльпаны
И сыплет слезы-лепестки сирень.

Май, 1987.

Осень апреля

Нежданно к нам в апрель ворвалась осень,
Окутывая все в свою печаль.

С вершушек облученных «рыжих» сосен

Срывала пыль и уносила вдаль.

Пришла бедой непрошенная гостья,

Взяла без спроса то, чем дорожим,

Апреля осень — стала нашей злостью.

Судьбой.., а от судьбы не убежим.

Дома застыли в грустном ожидании,

Поблекли у рябин цветущих краски.

И острой болью нашего сознания

Глядят пустые детские коляски.

Над «рыжим» лесом аист в поднебесьи

Кружит и опускается в бессмыслие...

Ворвалась осень в тихое Полесье,

И холод мы всем миром ощутили.

Не возвратит апрельский теплый вечер,

С которого был начат новый счет

Смертям, разлукам, болям, горьким

встречам

И мыслям, что беда, как сон, пройдет.

У нас при слове «атом» кожа стыла,

Тогда в ночи, когда ударил бубен,

Как лезвием отрезав все, что было,

Оставив только то, что с нами будет.